

В. А. МАЛИНИН, В. И. ШИНКАРУК

Михаил Бакунин. Сила отрицательной диалектики

Молодой Бакунин — один из первых гегельянцев в России, гегельянец не по одному знакомству с философией абсолютного идеализма (такие были и до него), а по складу своего мышления, по способу понимания сути диалектических построений великого мыслителя. Но Бакунин и во второй половине 30-х годов — особенный гегельянец, ибо быстрее, чем другие, стал «реалистическим гегельянцем». Этот реализм мышления отличал молодого Бакунина. Даже в период безоглядного увлечения гегелевской логикой и безудержных абстрактных фантазий он постоянно ищет связи с естественными науками, с идеями материалистического эмпиризма, диалектики с жизнью. Бакунин, как и Станкевич, был убежден, что надо следовать не букве учения Гегеля, а его методу, понять живую душу диалектики. Свое понимание диалектики он изложил в трех документах того времени — в «Предисловии» к русскому изданию «Гимназических речей» Гегеля, в незаконченной работе «О философии», первая часть которой была опубликована в журнале «Отечественные записки» (1840), и в статье «Реакция в Германии», вызвавшей европейский резонанс.

Молодой Бакунин в историко-философской литературе характеризуется то как фихтеанец, то как гегельянец. Его увлечения Фихте и Гегелем — вне сомнения. К сожалению, гораздо слабее отражена в исследовательской литературе материалистическая тенденция его мировоззрения.

Бакунин познакомился впервые с философией Гегеля в 1836 году. Он штудирует вслед за тем «Феноменологию духа», «Науку логики», «Философию права» и другие труды, став выдающимся знатоком Гегеля. В «Предисловии» к «Гимназическим речам» Гегеля Бакунин

утверждает, что *дисциплина мышления* вырабатывается лучше всего путем изучения диалектики Гегеля, которая является «философской наукой». Предмет этой науки — отвлеченное конечное, точно так же, как и неотвлеченное бесконечное, но когерентное, в общем — *мыслящий дух*. Для тех, кто вступает в жизнь, чрезвычайно важно накопление опыта, который приходит через восприимчивость и самодеятельность мысли. Благодаря опыту возможно верное понимание Идеи, которая осуществляется «в многообразии и в конечности действительного мира». В другой своей работе «О философии» Бакунин аргументирует в пользу единства эмпирического и умозрительного, опытного и философского, видя в требовании такого единства один из принципов «всемогущей диалектики». Это — не собственно гегелевская идея. Бакунин, возможно, под влиянием Герцена говорит о значении чувственного знания, о сверке сознания с познаваемым предметом, указывает на три ступени познания, которые проходит деятельный разум: естественное знание, приобретенное через опыт, дающее духовную пищу обыденному сознанию, эмпирическое знание конкретных наук, которое он называет *теоретическим эмпиризмом*, и знание, выступающее «во всемогуществе диалектики исторического развития духа»*.

Бакунин покинул Россию в 1840 году, отправившись искать лучшего применения своим силам. Вместе с Энгельсом и другими будущими европейскими знаменитостями (от Кьеркегора¹ до Меттерниха²) Бакунин стал одним из слушателей лекций престарелого Шеллинга по философии откровения. Он, как гегельянец и демократ, понял, что реакция стремится сделать из «философии откровения» Шеллинга своего рода идеологическое знамя. Бакунин не разделял мнения, будто «новейшая философия недавно преодолена одним из ее величайших основоположников, самим Шеллингом»**. Он был убежден, что дальнейший прогресс философского знания возможен только на пути развития, заложенного классической философией, в том числе и молодым Шеллингом. Старый же Шеллинг служит реакции. В статье «Реакция в Германии», опубликованной в «Немецком ежегоднике» Арнольда Руге (под псевдонимом Жюль Элизар), он подверг анализу сложившуюся ситуацию***. Друзья Баку-

* Bauer Br. Die evangelischen Geschichte des Iohanes. — Bremen, 1840. — S. 321.

** Бакунин М. А. Собрание сочинений и писем, 1828–1876. [В 4-х т.]. — М., 1934–35. — Т. 3. — С. 140.

*** Возможно, что название работы навеяно подзаголовком памфлета Энгельса «Шеллинг и откровение» (Критика нового покушения реакции на свободную философию). Бакунин познакомился с Энгельсом на лекциях Шеллинга по философии откровения в начале 1842 года и подружился с ним. П. М. Мо-

нина в России, в частности Белинский, восхищались статьей Жюлья Элизара, не подозревая, что статья принадлежит их другу Мишелю.

Бакунин, прибыв в Германию, быстро установил связи и завязал дружеские отношения с левыми гегельянцами. Маркс восхищался его революционным темпераментом. Он разглядел в Бакунине многообещающего деятеля на революционной ниве, хотя, конечно, не мог предугадать всего дальнейшего.

На первых порах Бакунин ближе всего сошелся с Гессом. Гесс утверждал, что именно он обратил Бакунина в социалистическо-коммунистическую веру, но это преувеличение. Не все исходило от Гесса, который мало знал о той напряженной интеллектуальной жизни, какая была характерна для Белинского, Герцена, Бакунина и круга их друзей в России. Гесс был склонен к масштабному представлению о своей миссионерской деятельности. Так, он уверял, что именно благодаря его влиянию Энгельс стал «ревностнейшим коммунистом»*.

О. Корню³ воспроизвел версию Гесса и даже утверждал, что «Реакция в Германии» «в основной своей направленности соответствует работам Гесса»**. Это — сомнительная похвала, базирующаяся на неточных данных. Если бы Корню познакомился с «догерманскими» работами Бакунина, в частности с его перепиской с Белинским, он неизбежно пришел бы к иному выводу***.

Бакунин начинает «Реакцию в Германии» — свой литературный манифест, свое объявление войны *urbī et orbī*⁵ с тезиса, что *свобода* — магическое слово, но понимают его по-разному. Так, немецкий обыватель ничто не обожает так пламенно, как ту свободу, которой он увлекался в туманной юности и которая соответствует его сентиментальным иллюзиям. Немецкие либералы, полагающие, что они мудрее всех на свете, любят свою свободу, но ту свободу, которая никогда не перейдет в революцию.

исеев также отмечает «противошеллинговский аспект статьи «Реакция в Германии» [23, 158].

* Т. Ойзерман, естественно, отвергает это мнение как несостоятельное [24, 181].

** Корню О. Карл Маркс и Фридрих Энгельс: Жизнь и деятельность. — 2-е изд. В 3-х т. — М.: Изд-во иностр. лит., 1976–78. — Т. 1. — С. 302–304, 405.

*** Бакунин был большим знатоком гегелевской философии, нежели Гесс. Гесс понял вскоре, что Бакунин, подобно Энгельсу, отнюдь не чувствует себя робким учеником, и ударился в другую крайность: стал распускать вздорные слухи о Бакунине как «русском агенте», стремясь, как и Боркхейм⁴, повлиять в этом смысле даже на Маркса.

Демократическая же партия добивается и добьется истинной свободы, но она добьется ее тогда, когда преодолит сопротивление реакционной партии. Демократическая партия занималась бы самообманом, если бы верила в добрые намерения или мифичность реакционной партии. Реакционная партия — не случайность, а необходимость немецкой общественной жизни; как таковая — она тормоз диалектического движения истории. Вообще, разъясняет Бакунин, случайности не придается значения в истории, «история есть свободное, но вместе с тем необходимое развитие свободного духа»*. Эту необходимость исторического развития выражает не реакционная, а демократическая партия, хотя она слаба и должна признать это; она должна также осознать трудности, стоящие у нее на пути, причем одна из трудностей заключается в том, что противники демократии находятся не только вне демократической партии, но и внутри нее. Условием движения вперед является, и в этом случае обнаруживается неопределенность взглядов самого Бакунина, превращение демократии в *религию*. Это был неверный тезис. Но верно было утверждение, что демократы должны быть не только партией единомышленников, но и партией на деле. Пока же демократическая партия сильна только своим *отрицанием* существующего. Она мало связана с жизнью, не имеет массовой опоры.

Далее Бакунин садится на гегелевского конька-горбунка; он чувствовал себя на этом диалектическом коньке уверенно и с пафосом проповедует то, что можно назвать *диалектикой отрицательности*. Он утверждает, что «все значение и вся непреодолимая сила отрицательного заключается в разрушении положительного». Это — видимое, внешнее положительное, и оно неизбежно будет разрушено. Но и само отрицательное идет к гибели — «как дурное, особое и своему существу неадекватное бытие»**. Все это и последующее — вариации левого гегельянца на завещанную Гегелем тему отрицания отрицания, но вариации мастерские и к тому же отвечающие данному историческому моменту. Суть отрицательного, следовательно, в разрушении пережившего себя положительного. Вслед за тем отрицательное, превратившись в положительное, воспринимает из «свободного основания». Такое отрицание, разъясняет Бакунин, — «живительный источник во всеобъемлющем принципе безусловной свободы»***. Негативность — позитивна. Бакунин об-

* Бакунин М. А. Собрание сочинений и писем. — Т. 3. — С. 129.

** Там же.

*** Там же. — С. 132.

рушивается на реакционную партию и ее фракции — «чистых» или «фанатических реакционеров», которые не понимают диалектики истории настолько, что не видят в отрицании никакого утверждения, и «реакционеров-соглашателей», теоретическая позиция которых «нечестна» и которые не отрицают безусловно отрицательного, но и не понимают или скрывают истинный смысл отрицательного.

Этот истинный смысл можно понять только в духе принципов гегелевской системы с ее основополагающей идеей борьбы противоположностей: «Противоположение и его имманентное развитие составляют один из главных узловых пунктов всей гегелевской системы». Собственно, благодаря этим принципам Гегель смог «постулировать новый практический мир». Ошибка Гегеля заключалась в том, что он думал, что этот мир *должен* подчиниться открытым им постулатам и устроиться согласно им: новый мир возникает отнюдь не путем простого приложения готовых теорий! Истина заключается в том, что действительность существует и развивается через противоположение, через раздвоение, через борьбу противоположностей: «положительное отрицается отрицательным и, наоборот, отрицательное отрицается положительным». «Перевес в этой извечной борьбе положительного и отрицательного — за отрицанием; эти противоположности не равнозначны, хотя их взаимодействие — условие всякого движения», а противоположение имеет величайшую практическую ценность. Основная идея Бакунина заключается в том, что знание действительности возможно лишь при применении диалектики отрицательности к самому процессу познания. Поэтому он варьирует гегелевские положения, утверждая, что «всякое движение есть отрицание», что «противоположение действительно есть истина», «чтобы овладеть истиною, мы должны брать противоположение в его цельность» и т. д. Он ссылается также на то, что лучшие умы современности — Штраус, Фейербах, Бруно Бауэр — отрицатели*.

В свое изложение диалектической методологии Бакунин вносит много страсти, немислимой для Гегеля. Он приписывает отрицательному желанию «страстного уничтожения положительного», хотя бы это положительное (например соглашательство) и пыталось «хитро укрыться под личиною отрицательного».

Бакунин с присущей ему страстностью обрушивается на соглашателей, обвиняя их в «практической импотентности». Философская середина испытывает неудержимое влечение к внутреннему миру

* Там же. — С. 137, 138–140, 146.

индивидов, но довольно равнодушно взирает на такие острые проблемы современности, как война и революция. Соглашатели воображают, будто способствуют ходу мировой истории и общественному прогрессу, когда, призывая к интеллектуальной скромности, признают в качестве источника движения «цельность противоположения». Но это — иллюзия. В действительности же «они отнимают или вернее пытаются отнять у последнего его движение, его жизненность, его душу». Бакунин не мог объяснить, в чем заключается душа и жизненность движения, но что эта душа есть, существует — он не сомневается, иначе это было бы изменой вере в само движение. Соглашатели говорят о внутреннем мире и его самоцельности. Бакунин возражает, что «внутренний мир может для самого индивида иметь бесконечную ценность, но для света он действительно имеет ценность лишь постольку, поскольку он проявляется вовне, и имеет лишь такую ценность, какую проявляет»*.

Сравним в этой связи мнение Бакунина с позицией Маркса времен докторской диссертации. Маркс также порицает «некоторых гегельянцев» (разумеется, правых), которые «неправильно понимают нашего учителя» и утверждают, что «умеренность есть нормальное проявление абсолютного духа»**. Это было написано перед началом работы Маркса в «Рейнской газете». Окунувшись в публицистическую практику, Маркс еще более укрепился в своем мнении против всякой «умеренности и аккуратности». На этой почве их первое сближение с Бакуниным в 1843 году в Париже было понятным.

Бакунин утверждал, что внешняя действительность должна быть серьезным объектом изучения. Эта действительность такова, что «наше время — печальное время», что «государство раздирается сейчас глубочайшими внутренними противоречиями», а народ, бедный класс, находится в фактическом рабстве. Тем не менее Бакунин считает, что есть определенные основания для исторического оптимизма. Эти основания он видит в диалектике отрицательности: «дух, этот старый крот, уже выполнил свою подземную работу»; на практике это выражается в том, что народ «принимает везде угрожающее положение», он начинает «требовать практического приложения своих прав». Бакунин замечает, что во Франции и Англии массы организуются в социально-религиозные союзы. Он призывает левых гегельянцев и всех противников идейного болота «довериться вечному духу». Этот дух многое «разрушает и уничтожает», но он же

* Там же. — С. 141.

** Маркс К., Энгельс Ф. Из ранних произведений. — М.: Госполитиздат, 1956. — С. 196.

является и «вечно созидающим источником всякой жизни». Бакунин заканчивает свою «Реакцию в Германии» на оптимистической ноте: «Страсть к разрушению есть вместе с тем и творческая страсть»*.

В июне 1843 года в трех номерах «Швейцарского республиканца» Бакунин опубликовал другую программную статью — «Коммунизм». Ее основная идея — объединение философии и коммунизма. «Философия, — пишет Бакунин, — по своей сущности является только теоретической, она движется и развивается лишь внутри сознания. Коммунизм, наоборот, в своей современной форме является только практическим; этим высказано преимущество и недостаток каждой из этих форм по отношению к другой»**. Идея единства философии и коммунизма была в своей основе верной, хотя Бакунин не мог сказать, какой должна быть истинная философия практики, а его понимание коммунизма не было научным. Правда, каким не должен быть коммунизм, он уже знает. В «Коммунизме» подвергается критике вейтлингова трактовка коммунизма. В этом пункте Бакунин выступает союзником Маркса и Энгельса, отвергая «казарменный коммунизм». Жесткая регламентация в будущем обществе, описанная В. Вейтлингом в его «Гарантиях гармонии и свободы», подвергается остракизму. Общество, которое Вейтлинг видит в своих грезах, не является свободным и гармоничным уже потому, что люди в нем фактически — «стадо животных», преследующие эгоистические материальные цели и интересы и не понимающие, как и сам Вейтлинг, духовного содержания общественной жизни. Независимо от левогегельянского подтекста этих возражений они по существу верны.

Пафос бакунинского отрицания еще не выкристаллизовывался в анархическую теорию; это придет позднее***. Этот пафос импонировал молодым Марксу и Энгельсу. Все трое были дружны в 1842–1844 годах. Маркс и Энгельс часто встречаются с Бакуниным в Париже в 1844 году. Бакунин знакомит Маркса, Энгельса и Женни Маркс с декабристами, братьями — Александром и Николаем Тургеньевыми. Вместе они посещают русских политических эмигрантов и проводят время в продолжительных беседах****.

* Бакунин М. А. Собрание сочинений и писем. — Т. 3. — С. 147–148.

** Там же. — С. 233.

*** О. Корню пишет, что Бакунин, познакомившийся через Гервега с Гессом, «тем легче усвоил его понимание коммунизма, что последнее имело анархическую окраску, соответствовавшую анархической тенденции самого Бакунина» [19, 1, 405].

**** Тургеньев А. И. Хроника русского: Дневники. — М.; Л.: Наука, 1964.

Бакунин занимает близкую Марксовой позицию на страницах «Немецко-французских ежегодников». Первый сдвоенный и, увы, последний номер «Ежегодников» открывался публикацией переписки Маркса, Руге, Фейербаха и Бакунина. По решающему вопросу о будущем социальных преобразований в Германии Руге и Фейербах были настроены пессимистически. Бакунин вместе с Марксом утверждает, что немецкий 1789 год грядет, хотя до его наступления «еще далеко». Он убеждает Руге и Фейербаха «верить» и «не отчаиваться». Теперь не время, пишет он, «сидеть сложа руки и малодушно предаваться отчаянию. Если уж такие люди, как вы, не верят более в будущность Германии, не желают больше работать над ней, кто же будет тогда верить, кто работать?»*. Недаром Белинский зачитывался «Немецко-французскими ежегодниками»! Ему нравилась боевая позиция Маркса и его дорогого «Мишеля», и он многого ожидал от их совместной деятельности, не предполагая, что они так решительно разойдутся впоследствии.

* MEGA, Abt. I. Bd. 1-2. — Bd. 1. — S. 1.